

Х. Ибсен

**Полное собрание
сочинений**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Х11

Х11 **Х. Ибсен**
Полное собрание сочинений: Том 2 / Х. Ибсен – М.: Книга по Требованию,
2021. – 644 с.

ISBN 978-5-517-98907-9

ISBN 978-5-517-98907-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лою — королевскою властью. Въ сущности однако борьба эта была уже покончена къ тому времени; королевская власть одержала побѣду еще при предшественникахъ Гокона, и попытки Скуле возобновить борьбу при Гоконѣ были лишь послѣдними судорогами побѣжденной партіи „баглеровъ“ *). „Идея теократически-аристократическаго правленія, представителемъ которой являлся Скуле, все еще собирала вокругъ себя сторонниковъ, но, судя по частымъ пораженіямъ партіи, кругъ этихъ сторонниковъ не могъ быть ни особенно многочисленнымъ ни увѣреннымъ въ себя“. Яенѣ всего обнаружилось это, когда Скуле поднялъ открытый мятежъ противъ Гокона. Несмотря на первоначальный успѣхъ, „съ самаго начала было ясно видно, что попытка эта возобновить внутреннюю междоусобицу, распри изъ-за власти, была лишь ходомъ отчаяннаго игрока, который, не взвѣсивъ шансовъ, бросается въ игру очертя голову, кидается навстрѣчу неизвѣстному въ одной надеждѣ на слѣпое счастье“.

„Въ данное время теократія не отличалась уже прежней сплоченностью, и многіе изъ сторонниковъ Скуле въ этой средѣ прямо побоялись открыто примкнуть къ нему. Были у него сторонники и среди аристократіи, но времена образованія крупныхъ и сильныхъ политическихъ партій миновали и вообще настолько измѣнились, что Скуле не могъ даже особенно разсчитывать на старую въковую вражду между трондерами (жителями области Тронхемъ) и викарингами (жителями области Викенъ): прежде вражда эта являлась, „пожалуй, самымъ обильнымъ источникомъ междоусобицъ“, къ данному же времени „источникъ этотъ, повидимому, изсякъ“. „Скуле такимъ образомъ не могъ опереться въ своемъ предпріятіи ни на общественное мнѣніе ни на господствующіе интересы времени, и довольно было одной крупной неудачи, чтобы окончательно сломить его силу...“

„Итакъ, во вѣншей обрисовкѣ Гокона и Скуле существуетъ полное согласіе между историкомъ и драматургомъ. Въ смыслѣ же внутренней, психологической — Ибсенъ придалъ двумъ политическимъ противникамъ значительно большую глубину и значеніе, нежели какія можно признать за нихъ, опираясь на историческія данныя.

„Гоконъ, по всему видно, отнюдь не былъ гениальной личностью; Ибсенъ же, въ силу индивидуальныхъ художественныхъ мотивовъ, изображаетъ его именно таковымъ, приписывая ему „великую королевскую мысль“.

„Во всѣхъ предыдущихъ произведеніяхъ, за исключеніемъ „Ивановой ночи“, „Пира на Сольгаугъ“ и „Олафа Лиліенкранса“, играло видную роль *призваніе* героя. Призваніе Катлины было въ томъ, чтобы спасти Римъ, призваніе фру Ингеръ изъ Эстрота спасти Норвегію, Нордисъ („Воители на Гельгеландѣ“) — стать валькиріей, Фалька („Комедія любви“) — стать поэтомъ. Въ то время „призваніе“ было окружено въ глазахъ Ибсена мистически-поэтическимъ ореоломъ. — вотъ почему такой образъ, какъ Гоконъ, съ его непоколебимой вѣрой въ свое право и въ свою силу, долженъ былъ рисоваться Ибсену въ особенномъ поэтическомъ свѣтѣ. По мнѣнію Сарса, историческій Гоконъ какъ душевнымъ величіемъ, такъ и поэтической красотой далеко уступалъ наиболѣе виднымъ своимъ предшественникамъ. Ибсенъ однако другого мнѣнія. Въ соотвѣтствіи поставленной себѣ Гокономъ задачи со всѣмъ его положеніемъ Ибсенъ видитъ величіе Гокона: соотвѣтствіе это и есть то мистическое, непостижимое, та великая тайна призванія: оно является резуль-

*) „Баглеры“ или „кривожезловые“ (отъ кривого епископскаго жезла), политическіе противники биркебейеровъ.

татомъ союза съ „могущественными силами свыше“, союза, готовящаго путь избраннику, дающаго послѣднему возможность идти къ цѣли прямо и почти безсознательно, какъ лунатику.

„Этой мистически увѣренной въ себя избранной натурѣ противоположенъ человѣкъ сомнѣнія, рефлекса, который боится вѣрить себѣ, не рѣшается остановиться на чемъ-нибудь однимъ, постоянно имѣетъ въ виду и то и другое, словомъ — „пасынокъ Божій на землѣ“. Ему недостаетъ того руководительства свыше, которое епископъ Николасъ называетъ „ingeniush“. Скуле богато одаренная натура, онъ и благороденъ и великодушенъ, ему недостаетъ лишь одного того, что составляетъ силу и величїе другого, да вдобавокъ онъ еще надѣленъ „даромъ сомнѣнія“. Въ изображеніи Скуле Ибсенъ достигъ наибольшей глубины психологическаго анализа въ соединеніи съ величайшимъ подъемомъ поэтическаго вдохновенія, и образъ этотъ даже въ богатой галлерей ибсенскихъ героевъ является однимъ изъ наиболѣе глубоко прочувствованныхъ и наиболѣе тонко очерченныхъ...“

Въ рендантъ къ этому отзыву Исгера, одного изъ самыхъ увѣжденныхъ почитателей творческаго генія Ибсена, приведемъ извлеченіе изъ отзыва о драмѣ „Борьба за престолъ“ одного изъ самыхъ ярыхъ литературныхъ противниковъ Ибсена, а именно датскаго пастора Шака.

„Повидимому, все присяжные цѣнители и судьи прекраснаго въ поэзіи виолнѣ согласны между собою относительно того, что „Борьба за престолъ“, какъ драматическое произведеніе, является однимъ изъ самыхъ совершенныхъ твореній Ибсена *) и стоитъ выше, напр., „Бранда“ и „Пера Гюнта“, хотя эти произведенія, безъ сомнѣнія, и пользуются большою извѣстностью среди большой публики. И, мнѣ думается, критики эти правы. Конечно, и въ „Брандѣ“ и въ „Перѣ Гюнтѣ“ встрѣчаются столь же глубокія мысли, какъ въ „Борьбѣ за престолъ“, а отдѣльными красотами эти произведенія не уступаютъ „Борьбѣ за престолъ“ или даже превосходятъ эту драму; но послѣдняя, пожалуй, единственное изъ произведеній Ибсена, гдѣ основная идея вполнѣ выдержана, ясна и прозрачна, и гдѣ самъ авторъ, видимо, знаетъ, чего хотѣть, и достигъ, чего хотѣлъ.“

„Главная суть здѣсь, очевидно, не въ историческомъ элементѣ, а въ психологическомъ или психологическо-этическомъ, другими словами — идея пьесы не столько связана съ внѣшнею борьбой между Скуле и Гокономъ, сколько съ внутренней борьбой, происходящею въ душѣ самого Скуле. Съ тѣмъ, что послѣдній — главное лицо, истинный герой драмы, вѣроятно, все согласны. Если теперь спросить, почему Скуле, который, по всему видно, съ самаго начала является натурой болѣе богатой и глубокой, нежели его противникъ, тѣмъ не менѣе оказывается побѣжденнымъ въ борьбѣ, — то, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, стоить припомнить разницу между *стремленіемъ самому стать великимъ* и *стремленіемъ совершить великое*. Гокопъ не только стремится къ личному возвеличенію, къ королевскому трону, но стремится также создать нѣчто великое, а именно пересоздать королевство, пересоздать Норвегію, которая до тѣхъ поръ была лишь „государствомъ“, а теперь должна стать „народомъ“. Онъ хочетъ объединить населяющіе ее роды и племена такъ, чтобы они впрядь сознавали свое единство, понимали, что составляютъ одно цѣлое, въ этомъ и заключается его „великая королевская мысль“. Не будь у него этой мысли, этой задачи, онъ сбросилъ бы съ себя королевское величїе, швырнулъ бы свою королевскую власть

*) См. „Aestetiske Studier“ Георга Брандеса, „Ad egne veje“ Рудольфа Шмита, „Henrik Ibsen“ Генрика Исгера и „Nordiske Digtere“ П. Гансена.

противнику, „какъ милостыню нищему“. Скуле же попросту хочется изобразить собою великаго человѣка: создать что-нибудь великое — ему и въ голову не приходитъ. Для этого нужно имѣть вѣру, вѣру въ это великое дѣло и въ возможность его осуществленія, и кромѣ того вѣру въ себя и въ свое призваніе осуществить это великое дѣло. У Скуле нѣтъ такой вѣры: его душу точитъ червякъ сомнѣнія; вотъ почему, когда Гоконъ впервые сообщаетъ ему свою королевскую мысль, она поражаетъ и захватываетъ Скуле, но онъ не въ состояніи усвоить себѣ ее; онъ ее не понимаетъ, и она лишь укрѣпляетъ глубокое сомнѣніе въ его душѣ, а сомнѣніе въ свою очередь порождаетъ въ критическіе моменты ту нерѣшительность, которая парализуетъ энергію Скуле и подготавливаетъ его гибель. Это его ложное отношеніе къ идеѣ превосходно изображено въ четвертомъ дѣйствіи, въ одномъ изъ самыхъ захватывающихъ и глубокихъ по мысли монологовъ, а также въ бесѣдѣ со скальдомъ Ятгейромъ.

„Эта сцена выясняетъ намъ, насколько Скуле въ одно и то же время и любитъ и ненавидитъ королевскую мысль Гокона. Онъ любитъ ее, смутно сознавая, что путь къ владычеству надъ Норвегіей долженъ опираться на нее; но, съ другой стороны, онъ ненавидитъ ее и готовъ убить, „задушить“ ее за то, что она — мысль Гокона, а не его, и за то, что она даетъ Гокону силу, дѣлающую его непобѣдимымъ. И Скуле видитъ для себя лишь два выхода: или побороть, уничтожить эту мысль (убить чужое дитя, потому что самъ бездѣтенъ), или воспринять ее, воспользоваться ею, какъ „ступенькой“, ведущей къ королевскому трону. Слова скальда о „дарѣ скорби“ заставляютъ Скуле отказаться отъ перваго выхода, и онъ избираетъ второй, который, конечно, больше соответствуетъ его внутреннему душевному разладу и раздвоенности. Очевидно однако, что существуетъ еще третій выходъ, самый вѣрный, который не приходитъ Скуле на умъ, а именно — посвятить себя служенію этой мысли, служба Гокону, какъ ея носителю и орудію осуществленія ея на землѣ *). Отношенія между двумя противниками слѣдовательно рисуются въ такомъ видѣ: Гоконъ добивается власти надъ Норвегіей во имя служенія идеѣ, правдѣ, а Скуле добивается воспользоваться идеей, воспользоваться правдой для достиженія власти. Для Гокона съ самаго начала правда служить *целью*; для Скуле же правда съ той минуты, какъ онъ открылъ ее, лишь *средство*. И въ силу этого онъ обреченъ на гибель, этимъ самымъ онъ подписалъ самому себѣ приговоръ...“

Нѣмецкому критику Лотару открываются при разборѣ драмы еще большѣ широкіе горизонты.

„Ибсена долгіе годы занимало такъ-называемое великое скандинавское движеніе — стремленіе къ духовному объединенію трехъ скандинавскихъ народовъ. Мысль, что главная сила — въ народѣ, въ его объединеніи, а не въ политическомъ строеніи государствъ, является преобладающею въ политикѣ истекшаго XIX столѣтія. Италия и Германія уже осуществили „королевскую мысль“ Гокона: жива эта мысль и въ панславистскомъ движеніи и во всѣхъ прочихъ характерныхъ для современной политики народныхъ движеніяхъ.

„Когда Скуле начинаетъ отчапываться въ своей побѣдѣ, онъ рѣшается похитить королевскую мысль Гокона. Онъ выдаетъ ее за свою собственную, но эта ложь и губитъ его. Скуле присвоилъ себѣ мысль Гокона,

*) Это замѣчаніе Шака не совсѣмъ вѣрно. Въ концѣ второго дѣйствія на вопросъ Николааса, какъ Скуле поступилъ бы въ томъ случаѣ, если бы обнаружилось, что Гоконъ законный наследникъ престола, Скуле отвѣчаетъ: „Смирюсь и буду служить ему“.

какъ Гуннаръ („Воители на Гельгеландѣ“) выдать подвигъ Сигурда за свой: оба строить свое званіе на лжи и оба погибаютъ подъ его развалинами. Въ то время, какъ Гоконъ глубоко и горячо чувствуетъ свое призваніе и свой долгъ, Скуле все колеблется, сомнѣвается. И онъ, какъ фру Ингеръ, — духовный потомокъ Гамлета; и онъ не стоитъ на высотѣ задачи, которую взялъ на себя. Ему недостаётъ мужества въ время разрушить за собой всё мосты, исключая одного. Неустанно стараясь выяснитъ себѣ собственное положеніе и путь, по которому ему слѣдуетъ идти, онъ все никакъ не можетъ выбраться изъ окутывающаго его тумана сомнѣній. Подобно тому, какъ осью всей драмы въ цѣломъ служить сцена смерти епископа Николаса, такъ осью трагедіи честолюбія, героемъ которой является Скуле, служитъ сцена между Скуле и скальдомъ. Въ драмѣ „Борьба за престоль“ съ изумительнымъ мастерствомъ и силой творческаго генія соединены собственно три драмы: трагедія зависти (Николасъ), трагедія честолюбія (Скуле) и мистерія призванія (Гоконъ).

„Епископъ Николасъ, пожалуй, одинъ изъ самыхъ крупныхъ злодѣевъ, когда-либо изображенныхъ въ поэзи. Всё его рѣшенія и поступки продиктованы трусостью, завистью и вѣроломствомъ: самъ онъ — отъ природы духовный и физическій калѣка — не можетъ стать великимъ челоукомъ, такъ пусть же и никто не будетъ великъ, не только рядомъ съ нимъ и при немъ, но и вообще, во всемъ государствѣ, во всё времена! Онъ ненавидитъ потому, что не въ состояніи любить. Онъ дѣлаетъ зло ради зла, изъ удовольствія, которое доставляетъ ему злое сознаніе, что онъ наводняетъ страну бѣдами и зломъ. Но эта безумная демоническая душа обладаетъ огромной силой. И если вообще Ибсенъ въ драмѣ „Борьба за престоль“ — которую вполне правильно называютъ одной изъ наиболѣе выдающихся драмъ всемірной литературы — достигаетъ высоты Шекспира, то образъ Николаса по величій замысла и тонкости психологическаго развитія даже превосходитъ созданный Шекспиромъ образъ Ричарда III *).

„Сцена смерти Николаса представляется мнѣ и, вѣроятно, каждому, кто видѣлъ драму на сценѣ, однимъ изъ самыхъ мощныхъ сценическихъ проявленій драматическаго творчества вообще. Въ этой сценѣ въ сущности и ставится проблема, завязывается главный узелъ драмы: душою Скуле овладѣваетъ сомнѣніе какъ въ правѣ Гокона, такъ и въ собственномъ призваніи. Тутъ съ особой силой сказывается свойственная Ибсену техника драматурга. Психологія дѣйствующихъ лицъ — Скуле, Гокона, демоническаго ингеніумъ Николаса выясняются здѣсь до полной очевидности, но внѣшняя проблема драмы — дѣйствительно ли Гоконъ законный наследникъ — остается неразрѣшенной. Почему же авторъ не даетъ разрѣшенія ея? На это у него двѣ причины. Во-первыхъ, Ибсенъ всегда и всюду ставитъ внутреннюю душевную драму выше всякихъ внѣшнихъ событій, а во-вторыхъ, ему присуща эта мистическая манера: онъ любитъ тайну ради тайны и, ставя въ своихъ пьесахъ загадочные вопросы, не приподымаетъ завѣсы, скрывающей разрѣшенія ихъ — можетъ-быть, потому, что и самъ не знаетъ, что за нею скрывается. Законный ли наследникъ Гоконъ, сойдутъ ли снова Нора и Гельмеръ („Кукольный домъ“), дасть ли фру Альвингъ („Привидѣнія“) своему сыну ядь, чья дочь Гедвигъ — Экдала или Верле („Дикая утка“)? Многое говорить *за* и многое *противъ* утвердительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. — „свидѣ-

*) Покойный А. П. Ленскій и далъ на сценѣ московскаго Малаго театра въ роли Николаса одно изъ геніальнѣйшихъ своихъ сценическихъ воплощеній.

тельство противъ свидѣтельства“, какъ говорится устами дѣйствующихъ лицъ въ „Кесарѣ и Галилеянинѣ“ и въ „Дочери моря“. И ломать себѣ голову надъ этими загадками бесполезно. Всякій разъ, какъ и встрѣчаюсь съ ними въ произведеніяхъ Ибсена, мнѣ чудится, что въ самомъ Ибсенѣ, этомъ „Мефистофельѣ въ монашескомъ одѣяніи“ — такъ называлъ его Фрицъ Маутнеръ — таится что-то еродни епископу Николаусу. Епископъ и самъ не читалъ письма, заключающаго разгадку. Содержаніе письма должно навсегда оставаться тайной, и все рго и солга и создаютъ „regrettiim mobile“. Подобныя загадки бросаютъ тѣни, вводятъ въ вообще еное творчество Ибсена, въ произведеніяхъ котораго все малѣйшія душевныя движенія, все скрытыя уголки души человѣческой освѣщены яркимъ свѣтомъ психологическаго анализа, таинственный, сумеречный элементъ, наводящій жуткое чувство *).

„Гокону ничего неизвѣстно о письмѣ и связанной съ нимъ тайнѣ. Онъ является для Ибсена типомъ счастливой, сильной, уравновѣшенной натуры, человѣкомъ въ родѣ Сигурда („Вонтели на Гельгеландѣ“), который не ошибется въ выборѣ пути, знаетъ — въ чемъ его призваніе, и выполняетъ его. „Счастливейшій — вотъ величайшій“ — говоритъ Николаусъ **). „Величайшія дѣла совершаетъ счастливѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собой, словно въ порывѣ похоти, родятся въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути: куда они ведутъ, онъ самъ не знаетъ и все-таки идетъ, долженъ идти, и идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа: остановитесь, оглянитесь съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло“. Иными словами: счастье — въ гениальности или непосредственности: избранникъ, истинный геній найдетъ свой путь и выполнитъ свою миссію безъ всякихъ блужданій и борьбы. Гоконъ — такое истинное дитя Божіе. Онъ ни минуты не колеблется, не медлитъ. Онъ заранѣе знаетъ, чего захочетъ, и знаетъ также, что сумѣетъ сдѣлать то, что захочетъ. Это знаніе, эта вѣра въ себя — талисманъ силы, суть счастья. Для того же, чтобы быть сильнымъ, надо быть свободнымъ, а для того, чтобы быть свободнымъ, надо стоять одиноко. И вотъ Гоконъ, удаляетъ отъ себя всехъ тѣхъ, кто ему слишкомъ дорогъ, и твердо идетъ одинъ по пути власти и выполненія своихъ задачъ. Чѣмъ ожесточеннѣе бьется противъ него Скуле, тѣмъ Гоконъ становится сильнѣе, властнѣе. Какъ самъ Ибсенъ и все его любимые герои, Гоконъ — соколъ, пробывающій облака и несущійся грудью противъ вѣтра. Противодѣйствіе пробуждаетъ и изошряетъ его способности. Величайшій человекъ своего вѣка. — учить Ибсена, — человекъ, который осуществляетъ потребности вѣка, который выноситъ на своихъ плечахъ миссію вѣка. Величіе Гокона въ его королевской мысли. Онъ хочетъ создать изъ страны народъ, хочетъ, чтобы все его подданные почувствовали, сознали себя единымъ цѣлымъ.

„Въ бесѣдѣ Скуле и скальда, котораго привлекла ко двору Скуле первая побѣда послѣдняго надъ Гокономъ, находимъ глубокое обсужденіе призваній короля и поэта. Здѣсь вновь проводится мысль, что даръ

*) Этого почти упрекъ Ибсену за „таинственный элементъ“ нѣсколько поражаетъ въ устахъ такого вообще чуткаго пестолователя Ибсена, какъ Лотаръ. По нашему мнѣнію, наличие этого элемента является какъ разъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ жизненности или близости къ жизни драматическаго творчества великаго норвежскаго писателя: вѣдь и въ самой жизни — развѣ мало таинственнаго, такого, о чемъ „не спилось нашимъ мудрецамъ“?

**) См. стр. 31.

скорби является для поэта благословеніемъ свыше. „Я воспринять даръ скорби и вотъ сталъ скальдомъ“, говоритъ Ятгейръ. Но и сомніе, если оно сильно и здорово, можетъ сослужить службу поэту. „Мое дѣло—ставить вопросы“.—высказать Ибсень однажды. И его вопросы будятъ сомнія. Но при всемъ своемъ сомніи онъ чувствуетъ себя сильнымъ и здоровымъ. Нездоровый скептикъ — тотъ, „кто сомнѣвается въ собственномъ сомніи“, т.-е. кто не знаетъ, въ правѣ ли онъ спрашивать, не знаетъ, въ правѣ ли онъ сомнѣваться: такой скептикъ обреченъ гибели, какъ и Скуле. Дальше скальдъ поучаетъ челоуѣка, сидящаго передъ нимъ на захваченномъ неправдою тронѣ, что вся суть — въ вѣрѣ. Должно вѣрить въ свое королевское призваніе, вѣрить въ свое поэтическое призваніе, иначе не бывать челоуѣку ни королемъ ни поэтомъ. А затѣмъ уже повѣрять въ него и другіе. Любовь, которую Ибсень всегда прославлялъ, тоже въ сущности не что иное, какъ сильная вѣра. И всякое сомніе служитъ лишь къ тому, чтобы еще болѣе укрѣпить вѣру: вѣра тоже — соколъ, несущійся противъ вѣтра. Съ другой стороны, величайшій грѣхъ совершаетъ тотъ, кто убиваетъ вѣру (т.-е. любовь) въ себя или въ комъ другомъ. Для этого грѣха нѣтъ отпущенія *). Скуле предлагаетъ скальду сдѣлать его наслѣдникомъ короны Норвегій, если онъ отречется отъ своего поэтическаго призванія и будетъ жить для дѣла, для идеи Скуле. „Нѣтъ, государь,—отвѣчаетъ на это скальдъ:—слишкомъ дорого обошлась бы мнѣ тогда корона“. — „Поразмысли хорошенько, взываетъ къ нему Скуле: — король выше скальда!“ — „Не всегда“, возражаетъ скальдъ... Шиллеръ изобразилъ короля, идущаго рядомъ съ поэтомъ, Ибсень же ставитъ поэта одиноко, на вершинахъ челоуѣчества.

„Женщины, изображенныя въ „Борьбѣ за престолъ“, всѣ прямыя духовныя наслѣдницы Аврелии („Катилина“). Ингеборгъ, которая годы ждетъ покинуваго ее Скуле, какъ Сольвейгъ ждетъ Пера Гюнта, такъ опредѣляетъ долю женщины этого типа: полное самоотреченіе и смиренная покорность. Но эту жизнь скрашиваетъ любовь, т.-е. вѣра. Самымъ же совершеннымъ и трогательнымъ воплощеніемъ такого идеальнаго типа женщины является Агнесъ въ „Брандѣ“.

„Въ структурѣ драмы замѣтно вліяніе Шекспира. Мѣсто дѣйствія часто мѣняется, а объ единствѣ времени нѣтъ и рѣчи. Свойственные Ибсену эффекты — перерывы объясненій или разсказа — проведены здѣсь съ большимъ мастерствомъ. Читатель или зритель все время находится подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ. Интересъ его достигаетъ высшаго напряженія, и вниманіе не ослабѣваетъ, не утомляется, несмотря на крупныя размѣры самаго произведенія.

„Вмѣстѣ съ этимъ „Борьба за престолъ“ является своего рода авторской исповѣдью. Ибсень самъ былъ борцомъ за престолъ, за престолъ поэзии: онъ ощущалъ въ себѣ призваніе стать величайшимъ поэтомъ страны. И въ этой драмѣ онъ снова олицетворилъ двѣ стороны своей души, противопоставивъ увѣренности въ цѣли сомніе. Но Гоконъ, этотъ Фалькъ („Комедія любви“) героическихъ временъ, побѣдилъ: и здоровая натура Ибсена восторжествовала надъ его скептицизмомъ. Намъ въ этой драмѣ и выясняются какъ самая завѣтная его чувства, его душевная борьба, такъ и его неутомимое стремленіе служить своей странѣ, являясь въ ней и грознымъ проповѣдникомъ и судьей ся. Скуле, незадолго до его смерти, является привидѣніе умершаго епископа Николааса и провозноситъ внушенныя поэту гнѣвомъ слова:

*) См. „Джонъ-Габриель Боркманъ“.

Будуть норвежцы брести еле-еле
Но пою жизни безъ воли, безъ цѣли;
Будуть ихъ души узки, а сердца
Злобой другъ къ другу пылать безъ конца:
Будуть въ одномъ межъ собою согласны:
Все, что велико, и все, что прекрасно,
Камнями, гризью должно забросати!
Будуть позоръ свой за честь почитать,
Будуть звать тринки ничтожныи стягомъ,
Знайте тогда — по норвежской землѣ
Путь свой побѣдимъ, торжественнымъ шагомъ
Старый епископъ свершаетъ во мзлѣ!

„Ибсенъ всю свою жизнь не уставалъ вести борьбу со старымъ епископомъ, вождемъ баглеровъ“.

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

дѣйствующія лица:

Гоконъ Гоконсенъ, избранный въ короли Норвегій партией бирке-
бейнеровъ.
Инга изъ Вартейга, его мать.
Скуле, ярль (графъ).
Рагнхильдъ, жена ярла.
Сигридъ, его сестра.
Маргарита, его дочь.
Гуттормъ Ингесенъ } сонскатели престола.
Сигурдъ Ривбунгъ }
Николасъ Арнесенъ, епископъ Ослоскій.
Дагфинъ Бондъ, сталларъ (начальникъ королевскаго двора) Гокона.
Иваръ Бодде, придворный священникъ Гокона.
Вегардъ Вэрадалъ, одинъ изъ приближенныхъ Гокона.
Грегориусъ Йонсенъ, лендерманъ } сторонники ярла.
Поль Флида, лендерманъ (вассальъ) }
Ингебьоргъ, жена Андреса Скьяльдарбанта.
Петерь, ея сынъ, молодой священникъ.
Сира Вильямъ, домашній капелланъ еп. Николаса.
Мейстеръ Сигардъ изъ Брабанта, врачъ.
Скальдъ Ятгейръ, исландецъ.
Бордъ Братте, вождь трондеровъ.
Тендерманы и вожди. Воины. Крестьяне и горожане бергенскіе, осло-
скіе и нидаросскіе. Крестовая братія, духовенство, монахи и монахини.
Гости, придворные, женщины и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ Норвегій въ первой половинѣ XIII столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кладбище при церкви Христа Спасителя въ Бергенѣ. Въ глубинѣ церковь, обращенная главнымъ порталомъ къ зрителямъ. Натѣво, на переднемъ планѣ, Гоконъ Гоконссѣнъ, Дагфинъ Бондъ, Вегардъ Вэрадалъ. Иваръ Бодде съ лендермэнами и вождами. Направо, какъ разъ напротивъ, ярль Скуле. Грегориусъ Йонссѣнъ. Поль Флида и люди ярла. Подальше на той же сторонѣ виденъ Сигурдъ Риббунгъ со своей свитой, а за нимъ Гуттормъ Ингессѣнъ съ нѣсколькими вождами. Всѣ входы въ церковь охраняются стражей. Народъ наполняетъ все кладбище. Многие сидятъ на деревьяхъ и на кладбищенской оградѣ. Всѣ, видимо, находятся въ напряженномъ ожиданіи. Съ городскихъ колоколенъ, и ближнихъ и дальнихъ, несется звонъ.

Ярль Скуле (пониживъ голосъ, съ нетерпѣніемъ Грегориусу Йонссѣну).
Что они такъ медлятъ тамъ?

Грегориусъ Йонссенъ. Тише; псаломъ начинаютъ.

(Изъ церкви сквозь запертыя двери доносится пѣніе хора монаховъ и монахинь: „Domine coeli“ и т. д., подъ аккомпанементъ трубъ. Затѣмъ при пѣніи хора церковныя двери растворяются, и въ притворѣ показывается епископъ Николасъ, окруженный священниками и монахами).

Епископъ Николасъ (въ церковныхъ дверяхъ, подавая знакъ жезломъ). Сейчасъ Пнга изъ Вартейга понесетъ каленое желѣзо за Гокона!

(Церковныя двери снова закрываются; пѣніе въ церкви продолжается).

Грегориусъ (пониживъ голосъ, ярлу). Призови святого короля Олафа на защиту праваго дѣла!

Ярль Скуле (быстро, дѣлая отстраняющій жестъ). Не сейчасъ. Самое лучшее не напоминать ему обо мнѣ.

Иваръ Бодде (схвативъ за руку Гокона). Моли Господа Бога своего, Гоконъ Гоконссѣнъ!

Гоконъ. Нѣтъ нужды. Онъ меня и такъ не оставитъ.

(Пѣніе въ церкви раздается громче. Всѣ обнажаютъ головы. Многие становятся на колѣни и молятся).

Грегориусъ (ярлу). Вотъ великій часъ для тебя и для многихъ!

Ярль Скуле (съ напряженнымъ вниманіемъ глядя на церковь). Великій часъ для Норвегіи!

Поль Флида (близъ ярла). Теперь она взяла въ руки желѣзо.

Дагфинъ Бондъ (около Гокона). Теперь они спускаются съ амвона.

Иваръ Бодде. Христосъ спаси твои нѣжныя руки, Пнга, мать короля!

Гоконъ. За эту минуту ей будетъ наградой вся моя жизнь!

Ярль Скуле (напряженно прислушивавшійся, съ внезапнымъ порывомъ). Вскрикнула? Выронила желѣзо?

Поль Флида (направляясь къ церкви). Не знаю, что тамъ такое.

Грегориусъ. Жепщины плаваютъ и плачутъ въ притворѣ.

Хоръ въ церкви (поюще). *Gloria in excelsis deo!*

(Двери церковныя распахиваются, выходитъ Инга въ сопровожденіи монахинь, священниковъ и монаховъ).

Инга (на панерти). Судь Божій свершился! Взгляните на эти руки; въ нихъ я несла каленое желѣзо!

Голоса изъ толпы. Вѣлы и вѣжны попреемму!

Другіе голоса. Еще красивѣе!

Весь народъ. Опъ вопетину слыть Гокона Сверрессѣна!

Гоконъ (обнимая мать). Спасибо, спасибо тебѣ, свыше благо-словенная!

Епископъ Николасъ (зимоходомъ ярлу). Перазумно было тре-бовать испытанія желѣзомъ.

Ярль Скуле. Нѣтъ, владыка епископъ, надлежало намъ услы-шать гласъ Божій въ этомъ дѣлѣ.

Гоконъ (глубоко взволнованный, держа Ингу за руку). Итакъ, свершилось то, противъ чего вопіяла вся моя душа, отъ чего надрывалось мое сердце...

Дагфинъ Бондъ (обращаясь къ народу). Ну, глядите на эту жепцину и пораскните умою вѣб, сколько васъ тутъ есть, — кто сомнѣвался въ ея словахъ, пока не понадобилось кому-то вызвать сомнѣніе?

Поль Флида. Сомнѣніе шепталось во всѣхъ углахъ — съ той самой минуты, какъ Гокона ребенкомъ принесли ко двору ко-роля Инге.

Грегориусъ. А въ послѣднюю зиму оно уже вопіяло громко, раздаваясь по всей странѣ — съ сѣвера на югъ; каждый под-твердить это, я полагаю.

Гоконъ. Я самъ лучше всѣхъ могу подтвердить это. По-тому-то я и внялъ совѣтамъ преданныхъ друзей и смирился такъ, какъ не смирялся съ давнихъ временъ ни одинъ избра-нный король. Испытаніе желѣзомъ засвидѣтельствовало мое рожденіе и мои права на страну и королевство, — я сынъ и наследникъ Гокона Сверрессѣна. Не хочу допытываться, кто растилъ и холитъ сомнѣніе, пока оно не стало столь громо-гласнымъ, какъ говорятъ родичи ярла. Но знаю, что мнѣ горько пришлось отъ него. Я былъ избранъ въ король съ дѣтства, но мало оказывали мнѣ королевскихъ почестей, — даже тамъ, гдѣ я бы скорѣе всего могъ ожидать ихъ. Вспо-мнить хоть послѣднее Вербное воскресенье въ Нидаросѣ, когда я шелъ къ алтарю и архіепископъ отвернулся, будто не видалъ меня, чтобы только не отдать мнѣ поклона, какой по-

добаеть королю. Впрочемъ, все подобное я еще перенесъ бы спокойно, но въ странѣ готова была вспыхнуть открытая война, и се-то я долженъ былъ предотвратить.

Дагфинъ Бондъ. Хорошо, когда король внимають мудрымъ совѣтамъ; но если бы послушались въ этомъ дѣлѣ моего совѣта, то не каленымъ желѣзомъ, а холодной сталью разсудился бы со своими недругами Гоконъ Гоконссенъ.

Гоконъ. Умѣй владѣть собой, Дагфинъ, — вотъ что подобаетъ помнить человѣку, которому предстоить править государствомъ.

Ярль Скуле (съ улыбкой). Легко обзывать недругомъ короля каждаго, кто несогласенъ съ королевской волей. Я же думаю, что злѣйшій врагъ короля тотъ, кто отсовѣтовалъ ему доказать свое право на званіе короля.

Гоконъ. Кто знаетъ. Если бы дѣло касалось лишь моего права, то, можетъ статься, я и не купилъ бы его такой дорогой цѣной; но мы должны смотрѣть выше. Тутъ дѣло въ призваніи и долгѣ. Я глубоко и горячо чувствую это и не постыжусь сказать: я одинъ могу нынѣ вести страну впередъ, къ лучшему будущему. Королевское происхожденіе порождаетъ королевскій долгъ...

Ярль Скуле. Многие здѣсь похваляются тѣмъ же.

Сигурдъ Риббунгъ. Я, и съ такимъ же полнымъ правомъ. Мои-тъ дѣдомъ былъ король Магнусъ Эрлингссенъ...

Гоконъ. Да, если отецъ твой, Эрлингъ Стейнвэгъ былъ сыномъ короля Магнуса. Но большинство отрицаетъ это, и до сихъ поръ не было еще испытанія желѣзомъ.

Сигурдъ Риббунгъ. Риббунги признали меня королемъ, признали по доброй волѣ, а Дагфинъ Бондъ и другіе биркебейнеры угрозами добились твоего избранія!

Гоконъ. Да, вы такъ хозяйничали въ Норвегій, что потомукъ Сверре пришлось пролагать себѣ путь угрозами.

Гуттормъ Ингессенъ. Я такой же потомокъ Сверре, какъ и ты...

Дагфинъ Бондъ. Но не по прямой линіи отъ отца къ сыну.

Епископъ Николасъ. Черезъ женское колѣно. Гуттормъ.

Гуттормъ Ингессенъ. Знаю все-таки, что Инге Бордссенъ, отецъ мой, былъ законно принятъ королемъ Норвегій.

Гоконъ. Никто не вѣдалъ, что живъ внукъ Сверре. Съ той же поры, какъ это стало извѣстно всѣмъ, онъ править страной только какъ мой опекунъ.

Ярль Скуле. Этого нельзя сказать по всей правдѣ. Инге всю жизнь правилъ, какъ настоящій король, со всей законной властью, безъ ограниченій. Но того, что права Гутторма не